

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Х.М. БЕРБЕКОВА»**

ПЕРСПЕКТИВА–2023

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ**

Том I

**НАЛЬЧИК
2023**

О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ МЕЖДУ АБХАЗО-АДЫГАМИ И ХЕТТАМИ (НА ПРИМЕРЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ)

Кобахиа Ф.М.

*Абхазский институт гуманитарных исследований,
г. Сухум, Республика Абхазия*

Аннотация. В статье предпринята попытка сравнительного анализа некоторых хеттских законов, отражающих нормы брачно-семейных отношений в хеттском обществе, в сравнении с аналогичными нормами марали в абхазской и адыгской брачно-семейной жизни.

Ключевые слова: хеттский закон, брачно-семейные отношения, кодекс, нормы.

Abstract. This article attempts a comparative analysis of some Hittite laws reflecting the norms of marriage and family relations in Hittite society in comparison with similar marali norms in Abkhazian and Adyghe marriage and family life.

Keywords: hittite law, marriage and family relations, code, norms.

В контексте адыгских и хеттских параллелей представляют интерес брачно-семейные отношения, которые регулировались нормами морали. Нормы брачно-семейных отношений отражены в хеттском законе № 193, в котором утверждается следующее: *Если мужчина умрет, его вдова должна выйти замуж за его брата* [1]. В том же законе сказано: *Это ненаказуемо* [1], то есть интимные отношения невестки с братом мужа допускались лишь после смерти супруга. Данный закон схож с адыгским обычаем левирата, согласно которому жены имели право выходить замуж за мужа брата (деверя) [1, 2]. В адыго-хеттских семейно-правовых отношениях особое место занимают «древние запреты», под которым понимается брак между близкими родственниками. Хеттский закон № 189 [3] отвечает нормам морально-правового кодекса адыгов – адыгству.

Иллюстрацией ограничения брака служит, в частности, договор Суппилиума с Хукканой, в котором говорится: *В стране же Хатти обычай таков, что брат свою сестру или свою казенную в жены не берёт. Это не по праву. Кто же совершит подобное дело, тот в Хатти не должен жить* [3]. И, как правило, он изгонялся решением панкуса – советом старейшин. Адыгский обычай избегания, который описывался Муравьевым: *Мужу стыдно быть в присутствии старших с женой* [4], обнаруживает аналогию в культуре хаттов – например, хеттский закон гласит: *Если в помещении родители, то сын не должен быть с ними там. Это не по обычаю* [5].

Глубокое изучение параллелизмов в области брачно-семейных отношений выявляет строгий запрет на инцест, который настолько запрещен, что бракосочетания между кросс-кузенами, сохранившиеся у многих современных народов, невозможны у абхазо-адыгов. На фоне строжайшего запрета кровосмешения немалый интерес представляют некоторые мотивы из нартского эпоса и ранних письменных текстов, связанных с инцестом, в хеттском брачно-семейном кодексе. Итак, в адыгской традиции оно демонстрируется на примере встречи Сатаней с пастухом у берега реки Тинз (Кубань) и последующим рождением ребенка [6]. Так же, как и мать младенца Анитты, Сатаней не кормила сына молоком, надеясь склонить его к инцесту.

В некоторых локальных сказаниях, Сатаней заставляют кормить сына грудным молоком. В этом повествовании наряду с архаичными элементами инцеста обращают на себя внимание функции грудного молока, несовместимого с кровосмешением. Подобная взаимаяскочимость отражена в «Тексте Анитты». Согласно основному сюжету, после долгих лет скитания, будучи царем, Анитта встретился со своей матерью в царстве Канесс (Канешш), где мать его уговаривает жениться на ее дочери, которая доводилось родной сестрой Анитте, на что Анитта ответил: *Не делай такую нечистимость, это не по (нашим – нашему) закону* [7]. Видимо, мать царя Анитты росла вне традиционной хаттской культуры, обычаи и обряды которой не соответствовали основным положениям морально-этнического кодекса хаттов. Как видно из этого примера, в адыгской традиции запрет на инцест связан главным образом с мотивом молока, а в цикле о женитьбе Анитты он связан с острой памятью юного младенца, будущего царя, Аниттой.

Анализ некоторых содержаний известного хеттского «Текста Анитты» позволяет провести аналогию между совокупностью морально-этнических норм абхазов Апсуара и «Текстом Анитты». За основу аналога следует взять отрывок из

текста о женитьбе царя Анитты [8]. Царица Канеса родила тридцать сыновей-близнецов, которых поместила в корзину и пустила плыть по реке. После она родила опять тридцать дочерей-близнецов. Братья стали искать свою мать и, наконец, нашли ее в царстве Канес. Мать решила выдать своих дочерей замуж за них. Однако самый младший сын Анитта этому возразил: *Не делай такую нечистоту, это не по (нашему) закону* [9, 10] – сказал Анитта. И тем самым он подчеркнул одно важное обстоятельство – запрет на кровосмешение, хотя этот порядок является в полной мере универсальным в культуре многих народов. Однако у абхазов он соблюдается с исключительной строгостью. Заметим, что многодетность в семье царицы Канес очень близка к кавказскому мотиву 100 нартов, рожденных их одной матерью – Сатаней.

Не менее важную ценность представляет лаконичная деталь из Библии, которая, на наш взгляд, может служить аргументом в пользу общего источника морально-этнической нормы адыго-хеттов. В ней есть рассказ, пожалуй, о самом известном хетте – Урии Хеттияни. Этот персонаж Ветхого Завета был в списке лучших воинов Израиля. О нем повествует 11 глава II-й Книги Царств. Урии Хеттияни стоит совершенно отдельно от других персонажей, описанных в Библии. Поступки Урии кардинально отличаются от других прежде всего своей мотивацией. Вспомним, когда он отказался идти домой и вступать с женой в интимные отношения, нарушив тем самым приказ царя Давида. Урии ответил царю: *... и господин мой Иоав и рабы моего господина пребывают в поле, а я вошел бы в дом свой есть, пить и спать со своей женою! Клянусь твоей жизнью и жизнью души твоей этого я не сделаю* [11]. Очевидно, что некая этническая норма, неизвестная царю Давиду и другим правителям Израиля, не позволила Урии выполнить приказ царя.

Поступок такого рода говорит о том, что Урии Хеттияни хорошо был знаком с хаттской этической нормой, которая в более позднее время известна как *зеклуэ хабзэ*, т.е. неписанный походный закон, который является частью общей черкесской этики *Адыгэ хабзэ*. Во время набегов, походов, воины подчинялись *зеклуэ хабзэ*, основополагающему принципу походного закона, который звучит так: *Интересы группы всегда важнее интересов любого отдельно взятого воина* [11]. Очевидно, что Урии Хеттияни своим поступком подтвердил полную верность этому принципу. Приведенные доводы позволяют полагать, что к моменту образования Хеттской империи уже сложилась абхазо-адыгская этическая норма «Апсуара» и *Адыгэ хабзэ* с преобладающими хаттскими элементами. И, наконец, выясняется, что хеттское *zahhiya (zihhai)* [12, 13] – «битва», «сражение», заимствованное из хаттского языка, сопоставимо с адыгским *зэхэуэ* – «стычка», «сражение».

Таким образом, выявляемые соответствия элементов норм поведения и регулирования семейных отношений абхазо-адыгов свидетельствуют об общих чертах не только касаясь брачно-семейных отношений, но и в целом социальной организации абхазо-адыгского и хеттского общества. Однако данное исследование не может претендовать на полное освящение вопроса. Более полная картина проблемы будет воссоздана по мере накопления историко-этнографического материала.

Литература

1. Гарни О. Хетты. Разрушители Вавилона. – М., 2009. – С. 129.
2. Котляров М.А. Алаты горских народов Кавказа. – Нальчик. – С. 73.
3. Менабде З.А. Хеттское общество. – Тбилиси, 1965. – С. 193.
4. Горданов В.А. Культура и быт народов Северного Кавказа. – Нальчик, 1987. – С. 188.
5. Вацахина А.П. Несколько слов о законах народов Востока. – М., 2009. – С. 43.
6. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. – М., 1998. – С. 125, 126.
7. Hoffner H.A. Hittite Myths // Tr. Ry. – 1988. – S. 98.
8. Георгадзе Г.Г. Текст Анитты: некоторые вопросы ранней истории хеттов // ВДИ. – 1965. – № 4.
9. Hoffner H.A. Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1990. – S. 66.
10. Иванов Вяч. В. Луна, упавшая с неба. – М., 1077. – С. 35.
11. Осташко А. Хьет жегьы!э! – Будь хеттом! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adygi.ru/index.php?newsid=12301>.
12. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. – С. 80.
13. Бгажноков Б.Х. О роли миграции в этногенезе адыгов // Древняя и средневековая культура адыгов: материалы Международной научно-практической конференции. – Ч. I. – Нальчик, 2014. – С. 22.

О НЕКОТОРЫХ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ МЕЖДУ АБХАЗО-АДЫГАМИ И ХЕТТАМИ

Кобахиа Ф.М., Цулая Г.В.

*Абхазский институт гуманитарных исследований,
г. Сухум, Республика Абхазия*

Аннотация. В статье представлено сравнительно-сопоставительное исследование некоторых абхазо-адыгских и хеттских ритуалов, связанных с образами громовержцев и функциональной ролью свиньи.

Ключевые слова: ритуал, миф, обряд, бог грозы, свинья.

Abstract. This article presents a comparative study of some Abkhazi–Adyghe and Hittite rituals associated with the images of thunderbolts and the functional role of the pig.

Keywords: ritual, myth, thunder god, pig.

Проблема родства между абхазо-адыгами и хеттами исследовалась на широком лингвистическом, историческом, фольклорно-этнографическом материале. Она являлась предметом исследования таких крупных исследователей истории и культуры, как В.Г. Ардзинба, Вяч. Вс. Иванов, И.М. Дьяконов, С.А. Старостин, И. Дунаевская, Р.Ж. Бетров и др. Вместе с тем эта проблема еще недостаточно освещена, она требует комплексного всестороннего подхода.

В контексте адыгских и хаттских религиозно-мифологических параллелизмов значительный интерес представляют образы верховных богов-громовержцев: адыг. Шьыбла, абх. Анцва, хет. Тару. Как известно, Шьыбла в мифологической традиции адыгов фигурирует как повелитель молнии и грома. Примечательно, что его функции и форма обращения обнаруживают сходство с хеттской религиозной традицией, связанной с празднествами в честь бога грозы – Тару.

Сравнительный анализ фольклорно-этнографического материала показывает, что обряды, которые совершались хаттами и адыгами в случае, если человека или животного поражала молния, были практически идентичными. К тому же показателен факт, запечатленный этнографами у адыгов, когда церемонии над животным или человеком, пораженным молнией, сопровождалась ритуальными песнопениями и молениями в честь бога Грозы. Значимость, которую предавали адыги грозе и молнии, отражена в сообщениях средневековых авторов. Так, французский купец XVII века Жан-Батист Тавернье писал: *...Когда гремит гром, все тотчас выходят из селения, и вся молодежь обоего пола начинает петь и танцевать. Если молния ударит в один из домов, то даже если не убиты ни мужчина, ни женщина, ни ребенок, ни животное, вся семья, обитающая в этом доме, содержится в течение целого года, ничего не делая, за исключением танцев и пения...* [1]. Сходная сцена с фигурированием природных явлений и отдельных обрядовых действий, связанная, видимо, с богом грозы, засвидетельствована в одном из хеттских текстов ритуального содержания. *...Человека бога грозы вы позовите. Последний просил в жертву козла, овцу, и приносил хлеба...* [2]. Данному ритуалу соответствует адыгский обряд, связанный с жертвоприношением козла, но уже в том случае, если в дом ударяла молния.

По своему содержанию интересен и другой хеттский ритуал, у которого тоже имеется аналогия: *...Глухой в своем городе в момент наступления весны ... И человек бога грозы спускается из города Хаммиса и несет из своего дома один сосуд с пивом и два хлеба, а люди его города дают ему одну овцу. И ее человек бога грозы приносит в жертву...* [2]. Подобный ритуал у адыгов наблюдался вплоть до конца XIX столетия. Следует обратить внимание, что в обеих религиозных традициях жертвенника приносят люди, а не сам молельщик.

Следует отметить, что в сравниваемых традициях существовал комплекс критериев по выбору жертвенного животного. Так, например, в жертву богу грозы адыги, как и их далекие предки хатты, приносили козла. Будет нелишним упомянуть, что обряд жертвенного козла зафиксирован в ритуальном тексте (табличке) из города Цалпа и Несса в честь бога Тешоба. В процессе моления не менее важным являлось строгое соблюдение некоторых правил, которые были обязательны для жреца и жертвенного животного. Таким образом, типологические параллели в архаических мифах этих народов, бесспорно, имеют глубокие корни, которые зародились в эпоху энеолита и ранней бронзы в недрах хатто-абхазо-адыгского единства (IV тыс. до н.э.), с одной стороны, а с другой стороны, триаду богов грозы (Шибла–Афа–Тару) следует рассматривать как продукт, возникший от единого целого. В качестве аналогии обращает на себя внимание хеттский «Рассказ о борьбе бога грозы со Змеем» [3].

Согласно обеим версиям хаттского мифа, бог грозы, как и Сасрыква, в сражении с великанами или в схватке с Тотрепшем в нартском эпосе терпит поражение от Змея. Согласно хеттскому сюжету, на помощь богу грозы приходит богиня Инара [4] (Инарас), что напоминает содействие Сатаней Сасрыкве после его поражения в первой схватке [4]. Очевидно, что в обоих сюжетах женские персоны выступают в роли помощниц Сасрыквы и бога грозы. Богиня Инара благодаря своим женским чарам заручилась помощью смертного человека и пригласила Змея на пир. *Смотри! Я пир устраиваю. Проходи поесть и попить!* [3]. И когда они наелись досыта и напились допьяна, Хупасияса пришел и Змея веревкой связал [4].

Данный мотив можно сопоставить со связыванием рук и ног великана в абхазской версии нартского эпаса. Рассказ о браке Сатаней и пастуха следует сопоставить с второй версией рассматриваемого мифа, который повествует о поражении в первой схватке со Змеем, бог грозы женится на дочери смертного человека хет. *asiwant*. От этого брака у него родился сын, который взял в жены дочь Змея. Бог грозы уговорил сына выпросить у тестя (Змея) глаза и сердце. И когда желание бога грозы осуществилось, то он вновь сразился со Змеем.

С этой же версией мифа вполне сопоставим «брак» Сатаней и «пастуха», от «стрелы» громового удара которого родился Сасрыква. Родившийся герой, согласно одному варианту абхазского эпаса, взял в жены девушку из рода великанов (адоумыжьха). Аналогом мотива убийства богом грозы своего сына может служить мотив гибели Сосрыквы, которого погубили братья. Гибель героя, как и его рождение, связана с камнем [4]. Убийство Змея и его детей позволило богине Инаре построить на скале города Тарука дом. В связи с этим примечательно, что рождение и смерть Сасрыквы культивируются на фоне камня (скалы).

В контексте адыгских и хаттских этнокультурных параллелей определенный интерес представляет культовая роль свиньи. Постулирование в общеиндоевропейском единстве, как и у протоадыгов, особого слова для домашней свиньи *su-* «а» [5] предполагает наличие относительно развитого свиноводства у древних индоевропейцев. В этом отношении адыги не являются исключением. Реконструирование названия свиньи для западноевропейского языкового сообщества: *з-к хьюа*, абх. *ахьюа*, абаз. *хьюа*, адыгск. *кьюэ*, *хьюэ*, каб. *кхьюэ* – свинья [6].

О важности свиньи в хозяйственной и социальной культуре могут свидетельствовать некоторые производные от основы *кьюэ/кхьюэ* «свинья» Ср.: адыг. *кьюашьюэ*, каб. *кхьюафэ* – «лодка», букв. «свиная кожа», каб. *кхьюэхьэнциэ* «лопатка для очистки лемеха», букв. «свиная лопатка» [6]. Все это, несомненно, свидетельствует о высоком уровне свиноводства и о ее превосходящей роли в хозяйственной жизни в отличие от других животных. Анализ эпических текстов Нартского эпаса адыгского варианта в сравнительном сопоставлении с соответствующими хеттскими текстами позволяет выявить некоторые имена свинопасов и, соответственно, связанные с ними сюжеты, о которых мы поговорим ниже.

Согласно эпическим преданиям адыгов, свинопасом был могучий Аргуан. Примечательно, что он также, как и хеттский свинопас Арути, имеет свои владения, где пас стадо свиней [5]. Следует подчеркнуть, что поразительным образом пастушеская деятельность и имена названных персон созвучны, что может гово-

речь об их общем происхождении от первоначальной формы – Арга. В данном случае очевидно, что Арга – первично два его конечных варианта -ути- и -уан- в адыго-греческих транскрипциях являются элементами нарицания.

Свинина, как правило, относилась к категории наилучшей питательной пищи, она настолько была востребованной в эпоху «Нартов» и в Древнехеттском царстве XVIII в. до н.э., что были выработаны основные нормы приема свинины. Показательно, что по эпическим традициям адыгов прослеживается состав еды, отведенный Аруаном. К ней относятся: «Свиньи колбаса, свиньи мясо, сто колоссов из-свиньи мяса и т.д.» [6]. В частности, хеттские клинописные тексты также засвидетельствовали пищевой состав из мяса свиньи. Выясняется, что ими являются «свиньи хлеб», «свиньи сало» и т.д., которым, кстати, в хетто-лувийском языке отведены специальные обозначения. Характерно, что само употребление свинины в пищу у древних хеттов было некоторой приметой, отличавшей последних от представителей других этносов. Данное толкование допустимо и в Нартском эпосе адыгского варианта.

Следует обратить внимание на то, что в ряде индоевропейских традиций свинья выступает как символ плодородия. В адыгской традиции особого внимания заслуживают мотивы «плодородия» или «плодородной земли». Согласно легенде нартов, первые нарты заселились на самой «плодородной» живописной земле исторической Шапсугии. Осев на этой земле, нарты убили или принесли в жертву свинью [6]. Свинья приносится в жертву преимущественно плодородным богам. Например, в Древнем Риме ее приносили в жертву «богине Земли» [5].

На материале эпической традиции адыгов можно проследить весьма любопытный эпизод, согласно которому свинья как представитель животного мира прекращает свое существование с исчезновением самих нартов. В центре нашего внимания будет находиться персона из нартского эпоса, им является свинопас Аргуан. Прежде чем взять нартских юношей в свинопасы, он проводил с ними своеобразный тест проверки памяти. Все юноши должны были запомнить общее число всех свиней, цвет, рост и т.д. Лишь после данной процедуры они становились свинопасами.

Этот сюжет всецело схож с методами избрания свинопасов в хеттском обществе. Хеттский Лилия, как и адыгский Аргуан, обладает невероятно глубокой памятью. Согласно сведениям Нарам-сини, Лилия, избирая свинопасов, провел аналогичный тест [3]. В эпических сказаниях нередко упоминается объезжение свиней и использование их как средства передвижения, в связи с этим заслуживает внимания сюжет о том же Аргуане, который идентичен сюжетам из рассказа Нарам-сини. В них идет речь о том, что люди из Цалпа и Шуда пришли на помощь Амкува на оседлых свиньях. К тому же культовые функции свиньи практически совпадают. Например, последний нарт у адыгов и у хеттов герой Лилия в качестве символического дара вручает человеку часть мяса последней свиньи. По Нарам-сини, свинья является пиршеской едой богов. Он сообщает, что сыну Лилия приказали попасть в самую цель жаренной свинины – такими методами они выбирали богов.

Известно, что старый нарт перед тем как покинуть этот мир просит своего сына найти дикого кабана [6]. Очевидно, что главным фигурантом сюжета о потустороннем мире выступает «сын», у адыгов он фигурирует в роли исполнителя просьбы, а у древних анатолийских хаттов выделяется мотив принуждения «сына».

Таким образом, анализ эпических традиций адыгов и хеттов позволяет выявить сходные черты рассматриваемого нами образа. А именно, в хеттской традиции свинья упоминается в ряду священных животных (животных богов), что типологически сходно с адыгской эпической традицией. Следует заключить, что представленный комплекс параллели не может носить случайный характер, они обусловлены историко-культурными, ареальными, географическими факторами, имевшими место в эпоху абхазо-адыгского этнокультурного мира, с одной стороны, а с другой – связь адыгских мотивов с малоазийским (хеттским) мифом об исчезнувшем и возвратившемся божестве, имеющие явные типологические параллели, несомненно, указывает на их былое мифологическое единство.

Литература

1. Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. – Нальчик, 1998. – С. 92.
2. Ардзинба В.Г. Мифы и ритуалы древней Анатолии. – М., 1986. – С. 125.
3. Иванов Вяч. Вс. Луна, упавшая с неба (Борьба бога грозы со Змеем). – М., 1977. – С. 52–114.
4. Ардзинба В. Г. Нартские сюжеты о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М., 1985. – С. 160.
5. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Т. II. – М., 1984. – С. 594–597.
6. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. – М., 1998. – С. 102–123.